

• уильям уортон •

Иташка

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У64

William Wharton

BIRDY

Copyright © William Wharton, 1978

This edition published by arrangement with The Jennifer Lyons
Literary Agency, LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Михаила Тарасова*

Художественное оформление *Марии Коняевой*

Уортон, Уильям.

У64 Пташка / Уильям Уортон ; [пер. с англ. М. Тарасова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-102181-8

«Пташка» — знаменитая психологическая драма трагически погибшего писателя Уильяма Уортона, такого же «великого затворника», как Джером Д. Сэлинджер и Томас Пинчон. Роман-бестселлер, легший в основу одноименного фильма Алана Паркера.

Это книга о чистой и светлой дружбе, пронесенной через всю жизнь. Эл Колумбато пытается спасти лучшего друга от сумасшествия. Птаха, так зовут парня, уверен в том, что он — канарейка. Вернуть его в мир реальных людей не так уж и просто, но попробовать стоит. Эл вспоминает их детство: гонки на велосипедах, палящее солнце, побеги на побережье. Он сделает все, чтобы помочь близкому человеку выкарабкаться. Но можно ли обрезать крылья тому, кто уверен, что умеет летать?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-102181-8

© М. Тарасов, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Моей семье

Когда птица летит по небу,
Она оставляет в нем след,
В нем только эти следы;
Кто-то живет, уходит,
Но кое-что остается.

«...Ну хватит, Птаха! Это приехал к тебе я, Эл. Заканчивай дурить, эй!»

Я оборачиваюсь и, приоткрыв дверь, просовываю голову в коридор. На другом его конце маячит не то стражник, не то санитар странного вида, одетый в белый халат.

Потом через прутья решетки я заглядываю в палату, похожую на клетку. Пташка сидит на корточках прямо перед дверью, даже не смотрит на меня. Вот так, на корточках, он обычно и сидел на своей голубятне, когда пришивал перья к тому жутковатому своему костюму голубя. Если здешний главный психиатр, не дай бог, узнает о том голубином костюме, то, ясное дело, посадит Пташку на цепь.

Иногда это меня так пугало, что просто мороз по коже. Забираюсь на голубятню; думаю, на ней только голуби, а там Пташка: сидит, скорчившись, в темном дальнем углу и пришивает перья. Иногда Пташке приходили в голову самые диковинные идеи.

Вот и сейчас: пожалуйста, расселся посреди своей белой палаты и не обращает на меня никакого внимания. Украдкой я бросаю еще один взгляд вдоль коридора.

«...Ну хватит, Пташка. Это же полная ерунда! Я знаю, что на самом деле ты никакая не птица! Прекращай этот дурдом. Все, черт возьми, этой дурацкой войны больше нет! С Гитлером, с Муссолини и с Тодзе покончено, всему этому дерьму капут!»

Никакой реакции. Вероятно, он и вправду свихнулся. Интересно, знает ли его лечащий врач-психиатр, что все зовут его Птаха? Его старушка вряд ли им скажет; а может быть, не знает и она.

Пташка поворачивается ко мне спиной. Не вставая на ноги, он вращается вокруг своей оси. Прижал руки к бедрам и крутится себе. Ах, вот что: уставился на полоску неба в маленьком окошке на другой стороне палаты, под самым потолком.

Главный врач советовал поговорить о вещах, которые мы с Пташкой делали вместе. Это он устроил, чтобы меня привезли сюда из госпиталя в Диксе. Моя голова еще вся в бинтах, так что даже лица не видно. Меня оперировали и скоро прооперируют еще раз. Мне больно есть и говорить, а сегодня с утра, аж с девяти часов, я все говорю и говорю как сумасшедший. Не могу придумать, что бы еще сказать.

«...Эй, Птаха! А помнишь, как мы построили голубятню в лесу, прямо на дереве?»

Может, эта тема пройдет Пташку? Его старуха заставила нас разорить первую голубятню, ту, которую мы устроили у него во дворе. Дом Пташки — часть поместья Косгроув; это был домик привратника. Большой дом и амбар сгорели много лет назад. Теперь дом Пташки стоит у самого края бейсбольного поля, недалеко от ограды левого центра. Эту бейсбольную площадку соорудили на единственном оставшемся незастроенном пятачке во всей округе.

«...Эй, Пташка! Ты не знаешь, что твоя мамаша делала, черт побери, со всеми попавшими к ней бейсбольными мячами?»

Мамаша Птахи прикарманивает все мячи, которые залетают в ее двор через ограду. Игроки даже не пытаются заполнить их обратно. Все, даже полупрофесси-

оналы. Как только мяч перелетает, всё: пиши пропало, до свидания, мячик. Ничего не поделаешь, доставай и вводи в игру новый. Дороговато играть в этом месте, если ты правша и любишь длинные подачи.

Интересно, какого черта она могла делать со всеми этими мячами? Мы с Птахой где только их не пробовали искать. Она их, должно быть, закапывала, а может, и продавала; тогда она являлась крупнейшим поставщиком подержанных бейсбольных мячей на черном рынке.

«...Эй, Пташка! А помнишь этих недоносков Гринвудов? Им так и не удалось найти нашу голубятню на том дереве. Экая они были мразь, вот уж действительно подонки, единственные на всю округу!»

Эти ребята, Гринвуды, готовы были стянуть все, что попало им под руку. Они крали велосипеды, голубей — все, что не приколочено гвоздями.

Наша голубятня была потрясающим местом, чтобы держать голубей, и никому даже в голову не могло прийти, где она находится. А веревочную лестницу мы хранили в дупле, прикрытом кустарником. К ее концу мы приделали крюк и забрасывали его на ветку дерева, чтобы забраться наверх.

«...А помнишь ту веревочную лестницу, по которой мы забирались, Пташка? Господи боже мой, только подумать, мы были настоящие сумасброды!»

Я продолжаю говорить и при этом смотрю на Пташку, гадая, слушает он меня или нет. Он по-прежнему глядит в то высокое окно на задней стене.

На него, конечно, жалко смотреть, сидящего на корточках посреди палаты, в белой тонкой больничной пижаме. Он сжался в комочек, припал к тесно сдвинутым коленям, его голова наклонена вперед, локти прижаты к бокам, пальцы сцеплены за спиной. По тому, как он

сидит, можно подумать, что он может вскочить, расправить руки, как крылья, взмахнуть ими несколько раз и выпорхнуть в то окно, от которого не отрывает взгляда...

Да, в лесу мы построили действительно потрясающую голубятню. Она была меньше той, первой, дворовой. Первая наша стая на дворе у Пташки была большой. В ней было десять пар и еще два самца. И все голуби были отменные, никакой дряни, ни одного беспородного, все чистокровные. Я хочу сказать, что если вы не собираетесь зря тратить деньги на корм, то вам стоит заводить хороших птиц. Пташка вечно пытается принести какую-нибудь дерьмовую птицу — просто потому, что она ему нравится. Насчет этого мы немало спорили.

У нас было три пары сизарей с полосками на крыльях, четыре пары сизых крапчатых, пара розовых, тоже в крапинку, и две пары белых королей. Никаких выпендренных птичек, никаких голубей-вертунов или турманов, никаких трубастых голубей — ничего подобного.

*Теперь я думаю. Я знаю.
Знаю. Думаю. Ничего.*

Когда мы продали старую нашу стаю, мать Пташки заставила нас отскрести голубиный помет с переднего крыльца дома, которое птицы любили использовать как насест. На вырученные нами от продажи голубей деньги она покрасила заново все крыльцо.

Мать Пташки — первоклассная стерва.

Как бы то ни было, теперь денег на покупку птиц для новой голубятни, которую мы соорудили на дереве, у нас нет. Предполагается, что у Пташки вовсе не должно быть голубей. Нигде.

Первых двух птиц мы раздобыли на Шестьдесят третьей улице, под эстакадой надземной железной дороги. Там есть большая стая уличных голубей, в основном чистая дрянь. Мы ходили смотреть на них после школы. Садись на бесплатный автобус и ехали от желез-

нодорожной станции до Сиэrsa. Тогда нам было лет по тринадцать-четырнадцать.

Мы присматриваемся, как голуби ходят туда-сюда, как они кормятся, как сношаются — чем, в общем-то, они обычно и занимаются весь день, не обращая большого внимания на то, что творится вокруг. Когда же проходит поезд, они испуганно взмывают вверх, описывая большие круги, — так, словно это не происходило каждые пять минут в течение последних пятидесяти лет. Птаха показывает мне, как они обычно возвращаются на прежнее место и продолжают делать все то, чем они занимались до того, как их прервали. А мы смотрим и стараемся определить, кто в стае вожаки и где на каких балках эстакады расположены гнезда. Мы пытаемся определить пары. Голуби как люди: трахаются практически весь год напролет, но в основном с одними и теми же партнерами.

Обычно мы приносим с собой мешок с кормом. Пташка может заставить почти любого голубя сесть на свою руку за какие-то две минуты. Он предлагает мне выбрать одного из стаи, и когда я это делаю, он сосредотачивается на одном этом голубе и начинает издавать «голубиные» звуки. И, черт побери, всякий раз именно тот голубь начинает кружить вокруг нас, садится на землю и прыгает прямо ему в руки. Он как-то сказал, что просто их подзывает. Но как, черт возьми, можно подзвать одного конкретного голубя из целой стаи? Пташка — ужасный лгун.

«...Ну будет тебе, Птаха. Заканчивай с этим, а? Это же я, Эл. Кончай с этим дерьмом!»

Никакого ответа, ничего. А знаете, одна пара си-зарей, ну, тех, с полосками, стала принимать Пташку за своего. Красивые птицы, но диковаты. Пташка их так приручил, что они садятся ему на голову или плечи и разрешают трогать себя за крылья. Он любит расправлять им

сперва одно крыло, потом другое и теревить маховые перья. А голуби ведут себя так, будто это самая заурядная вещь на свете; во всяком случае, все так выглядит.

Пташка обычно отпускает их, подбрасывая в воздух, — туда, где летают другие голуби, и они всегда возвращаются к нему. Как правило, голуби всегда улетають к стае. И вот однажды мы с Пташкой идем домой пешком, вместо того чтобы сесть на автобус, и та пара не отстает от Пташки весь путь до нашей голубятни на дереве. Эти ленивые птицы даже сели ему на плечи да так и поехали.

Не нужно слушать.

Чтобы услышать что-то, не нужно слушать.

Чтобы увидеть что-то, не надо смотреть.

Чтобы узнать что-то, не нужно думать.

Чтобы понять что-то, не нужно слушать.

Нам пришлось запереть голубятню, чтобы эти голуби не полетели за Пташкой к нему домой. Его старуха отравила бы их, если бы поймала.

«...Эй, Птаха, помнишь ту пару сизарей с полосками, которых ты приручил так, что они чуть не свили на тебе гнездо? Черт побери, это была судьба!»

Он все равно не обращает на меня внимания. Мне наплевать, если он чокнулся, нельзя же меня так игнорировать.

«...Пташка, ты меня слышишь? Если ты меня слышишь и ничего не говоришь, ты и вправду придурок — просто настоящий гребаный придурок».

Господи, что я теряю время? Он ведет себя так, словно оглох. В общем, что-то в этом роде. Главный врач говорит, что он может слышать и слышит каждое слово,

которое я ему говорю. Но эти говнюки не могут знать всего. Может, Пташка просто напуган и потому не хочет слушать. Что же, черт возьми, могло с ним случиться?

Еще когда мы держали у него дома старую нашу стаю, Пташка и я любили одну штуку: взять одного-двух голубей и отправиться с ними кататься на велосипедах. Мы сколотили специальный ящик для их перевозки. Это были птицы, которые уже прижились в голубятне. Пташка привязал к дверце голубятни бечевку, соединенную со старым будильником, и мы могли узнавать точно, когда они возвращались. Мы ехали в Спрингфилд или куда-то еще и отправляли их домой с запиской для нас самих.

Однажды, когда я поехал с родителями на море, я взял с собой пару голубей. Зашел в волны прибоя и отпустил их; меньше чем через два часа они уже были в голубятне. А это девяносто миль, если не больше. В записке я указал время и сообщил Пташке, что выпускаю голубей в таком месте, чтобы они летели домой над Атлантическим океаном.

А Пташка так и сидел в голубятне, высматривая эту пару, пока она не прилетела. Черт побери, я сам люблю голубей, но не настолько же, чтобы провести все каникулы, сидя в этой темной конуре и карауля их. А тут еще этот голубиный наряд, который он придумал носить. Он начал его мастерить, еще когда голубятня была у него на заднем дворе. Сперва он выкрасил в сизый цвет старую пару рейтуз и старую футболку с длинными рукавами. Голубиные перья он собирал повсюду и хранил их в коробке из-под сигар. Как я уже говорил, он обычно сидел на корточках в дальнем углу голубятни и нашивал перья на эту фигню. Он начал сверху и нашивал их кругами, внахлест, опускаясь ниже и ниже, как они растут на птицах.

Когда он закончил и натянул эту штуку на себя, то выглядел словно какой-то огромный и тощий крапчатый сизарь. Он надевал свой дурацкий костюм каждый

раз, когда отправлялся на голубятню. От этого его мать просто бесилась.

Когда мы построили голубятню на дереве, дело пошло еще хуже. Он стал надевать перчатки, покрытые перьями, и натягивал до самых колен длинные рыжевато-желтые гольфы поверх ботинок. Завершал этот наряд капюшон, на котором опять были перья, и желтый картонный клюв. Там, в дальнем углу голубятни, сидя на корточках в полумраке, он иногда походил на самого настоящего голубя, только размером с большую собаку. Если бы кто-то вдруг посмотрел вверх, заметил его на том дереве и увидел, как он там шевелится, то, наверно, совершенно бы спятил.

«...Вот что тебе здесь нужно, Пташка. Тебе нужен твой старый костюм голубя. Твой доктор, эта ослиная задница, тогда совсем взбесится».

Пташка не слишком стремился заполучить породистых птиц. Я так и не понял, что именно он искал в голубях, на что обращал внимание. Взять хотя бы ту следующую голубку, которую мы взяли для голубятни на дереве: это была уродина из уродин, трудно даже вообразить. Такое страшилище, что, на мой взгляд, ни одно другое страшилище не захотело бы иметь с ней ничего общего. А Пташке она казалась красивой.

В один дождливый день, примерно с месяц после того, как мы завели полосатых сизарей, Птаха заявляется на голубятню с этой голубкой и говорит, что нашел ее в конце улицы на мусорной куче, где она дралась с крысой. Ну кто может в такое поверить? Пташкино вранье до такой степени ни на что не похоже, что никто ему не поверит. А еще в Пташке интересно то, что он всегда верит вранью других. Пташка готов поверить почти во все, что угодно.

Земля вращается, и мы все попались. Тяжесть наваливается на нас, и мы боремся с ней в клетке изменяющейся гравитации.

Голубка совершенно черная, и это не цвет блестящего черного лака, нет, а тусклый цвет сажи. Если б не клюв и то, что она ходит как голубь, вы могли бы поклясться, что это ворона, только размером с пивную кружку. Она такая маленькая, что кажется недавним птенцом, еще не вставшим на крыло, и это после того, как я убедился, что она все же голубь. В голубятне она мне совсем не нужна. Лишняя самка в голубятне — это лишние неприятности, но Пташка настаивает. Все талдычит и талдычит, какая она красивая и как летает.

Первое, что она делает, — это уводит сизого полосатика у его самочки. А тот и сам не может понять, что его так зацепило. Только и делает, что ходит вокруг нее кругами, преследует ее, трахает; даже не хочет есть. Бедная сизая голубка хандрит в своем гнездышке.

Я в ярости и хочу вышвырнуть проклятого кукушонка. Голубиная ведьма — вот кто она такая. Пташка соглашается, но страдает. На следующий день мы подбираем ее в воздух. Я уверен, что она улетит и заблудится и мы никогда больше ее не увидим.

Когда я подхожу к голубятне во второй половине дня, Пташка уже там и наша ведьмочка тоже. Теперь она заигрывает с потрясающим рыжим крапчатым голубем. Они шагают взад и вперед по голубятне, и рыжий красавец то и дело норовит ее потоптать, в то время как сизарь пытается сделать то же самое, но ему это не удается. Мы наблюдаем за этим до вечера. Наконец сизый петушок возвращается к своей курочке. Ладно, говорю я, ведьмочка может остаться, раз уж завела себе собственного кавалера. Может, все дело в том, что мы ее приваживали к голубятне всего два дня.

Никто не знает больше, чем ему суждено знать. Все мы узники сил тяготения.

Ну, эта ведьмочка просто невероятна. В следующий раз, когда она возвращается в голубятню, она приводит